

Заключение диссертационного совета МГУ.051.3
по диссертации на соискание ученой степени доктора наук
Решение диссертационного совета от 04 июня 2026 г. № 5

О присуждении Кадышевой Ольге Владимировне, гражданке Российской
Федерации ученой степени доктора юридических наук

Диссертация **«Нормативный регионализм в современном международном праве на примере права Евразийского экономического союза»** по специальности 5.1.5 «Международно-правовые науки» принята к защите диссертационным советом МГУ.051.3 17.03.2026, протокол № 2.

Соискатель Кадышева Ольга Владимировна, 1971 года рождения, в 2003 году защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук на тему «Национальность юридических лиц в международном частном праве» в диссертационном совете К.501.001.15, созданном на базе МГУ имени М.В.Ломоносова».

Кадышева Ольга Владимировна работает в должности доцента кафедры международного права юридического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова».

Диссертация выполнена на кафедре международного права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова.

Официальные оппоненты:

Гальперин Михаил Львович, доктор юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет права, Департамент международного права, заведующий научно-методическим объединением (кафедрой) международного правосудия;

Кешнер Мария Валерьевна, доктор юридических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, юридический факультет, кафедра международного и европейского права, профессор;

Толстых Владислав Леонидович, доктор юридических наук, профессор, Институт востоковедения Российской академии наук, ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований

дали положительные отзывы на диссертацию.

Выбор официальных оппонентов обосновывался их высокой

компетентностью в науке международного права, наличием многочисленных публикаций в данной сфере исследования.

Соискатель имеет 55 опубликованных работ, в том числе по теме диссертации 23 работы, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук:

1) Кадышева О.В. Регионализм в международном праве: в поисках баланса // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2025. № 12 (136). с. 45-54. (0,8 п.л.) EDN: ХАUEOV Импакт-фактор 1,149 (РИНЦ).

2) Кадышева О.В. Правосубъектность частных лиц в правовом порядке Евразийского экономического союза // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2025. Т. 66. № 3. с. 168-190. (1,5 п.л.) EDN: YFUYZA Импакт-фактор 0,897 (РИНЦ).

3) Кадышева О. В. Нормативный регионализм в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2025. № 11 (210). С. 26–33. (1,8 п.л.) EDN: RYOXMS Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).

4) Кадышева О.В. Пределы судебной защиты в рамках консультативной юрисдикции Суда Евразийского экономического союза // Закон. 2025. № 4. С. 66-80. (1,6 п.л.) EDN: ХВОТНГ Импакт-фактор 1,258 (РИНЦ).

5) Кадышева О.В. Общие принципы права Европейского союза и принципы права Евразийского экономического союза через призму международного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2025. Т. 21. № 6. С. 81-93. (1,6 п.л.) EDN: PZQDUN Импакт-фактор 0,971 (РИНЦ).

6) Кадышева О.В. Взаимодействие Суда Евразийского экономического союза и Конституционного Суда Российской Федерации: границы возможного // Журнал Конституционного правосудия. 2025. № 3. С. 19-26. (0,9 п.л.) EDN: RMVAMS Импакт-фактор 0,720 (РИНЦ).

7) Кадышева О.В. Комиссия международного права ООН о региональных общих принципах права: попытка примирить универсализм и реальность // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 3 (55). С. 23-39. (1,6 п.л.) EDN: ТАКJLJ Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ).

8) Кадышева О.В. Региональные императивные нормы в международном праве: миф или реальность // Международное правосудие. 2025. Т. 15. № 1 (53). С. 98-116. (1,7 п.л.) EDN: RCOOKI Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ).

9) Кадышева О.В. Смешанные соглашения ЕАЭС с третьими странами: вопросы международной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2024. № 4. С. 41-66. (1,5 п.л.) EDN: JOIUAN Импакт-фактор 0,897 (РИНЦ).

10) Кадышева О.В. Роль парламентского контроля в обеспечении эффективного функционирования институтов ЕС и ЕАЭС // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 2 (159). С. 4-18. (1,2 п.л.) EDN: CAGPBK Импакт-фактор 0,625 (РИНЦ).

- 11) Кадышева О.В. Проблемные вопросы исполнения решений Суда Евразийского экономического союза: *experientia docet* // Международное правосудие. 2024. Т. 14. № 1 (49). С. 56-74. (1,6 п.л.) EDN: ACOVBQY Импактфактор 0,544 (РИНЦ).
- 12) Кадышева О.В. Концепция публичного порядка в судах региональной экономической интеграции // Международное правосудие. 2023. № 2 (46). С. 17-32. (1,3 п.л.) EDN: GCOOSQ Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ).
- 13) Кадышева О.В. Сравнительно-правовая характеристика норм об ответственности и возмещении вреда в ВТО, ЕС и ЕАЭС // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 3. С. 48-58. (1,4 п.л.) EDN: UNUMVZ Импакт-фактор 0,971 (РИНЦ).
- 14) Кадышева О. В. Правовое регулирование ответственности в ВТО и ЕАЭС // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2022. № 2. С. 25–48. (1,8 п.л.) EDN: UCVTRG Импакт-фактор 0,897 (РИНЦ).
- 15) Кадышева О.В. Доктринальные аспекты односторонних ограничительных мер и перспективы их оспаривания в рамках ВТО // Закон. 2022. № 8. С. 71-81. (1,1 п.л.) EDN: TJWNHC Импакт-фактор 1,258 (РИНЦ).
- 16) Кадышева О.В. Неизвестная «санкционная война» и возможности международного правосудия // Международное правосудие. 2022. № 4 (44). С. 95-111. (1,5 п.л.) EDN: YOJSYW Импакт-фактор 0,544 (РИНЦ).
- 17) Кадышева О.В. Роль консультативных заключений в международном правосудии и в практике Суда ЕАЭС // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. № 1. С. 208-231. (1,7 п.л.) EDN: SBKYHZ Импакт-фактор 2,436 (РИНЦ).
- 18) Кадышева О.В. Влияние оговорки о публичном порядке на функционирование внутреннего рынка // Евразийский юридический журнал. 2022. № 10 (173). С. 70-75. (0,9 п.л.) EDN: VURXIX Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).
- 19) Кадышева О.В. Заключение Суда ЕАЭС по делу о лизинге: новые аспекты консультативной юрисдикции // Российский юридический журнал. 2021. № 5 (140). С. 71-81. (0,9 п.л.) EDN: UWQUMU Импакт-фактор 0,826 (РИНЦ).
- 20) Кадышева О.В. Вопросы ответственности в праве Евразийского экономического союза // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11 (162). С. 30-35. (0,9 п.л.) EDN: ITJAPF Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).
- 21) Кадышева О.В. К вопросу о правосубъектности частных лиц в международном праве // Евразийский юридический журнал. 2021. № 12 (163). С. 33-37. (0,8 п.л.) EDN: JPDOGY Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).
- 22) Кадышева О.В. Применение положений соглашений Всемирной торговой организации российскими судами: обзор арбитражной практики // Евразийский юридический журнал. 2015. № 1 (80). С. 85-90. (1 п.л.) EDN: TIIDPV Импакт-фактор 0,108 (РИНЦ).

23) Кадышева О.В. К вопросу о прецедентном характере решений Органа по разрешению споров во Всемирной торговой организации // Евразийский юридический журнал. 2014. № 6 (73). С. 97-101. (0,8 п.л.) EDN: SGWWCJ Импактфактор 0,108 (РИНЦ).

На диссертацию и автореферат поступило шесть дополнительных отзывов, все положительные.

Диссертационный совет отмечает, что представленная диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук является научно-квалификационной работой, в которой на основании выполненных автором исследований разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как научное достижение и решение важных научных проблем, имеющих значение для развития международного права, изложены новые научно обоснованные решения и разработки, имеющие существенное значение для развития страны.

Диссертация представляет собой самостоятельное законченное исследование, обладающее внутренним единством. Положения, выносимые на защиту, содержат новые научные результаты и свидетельствуют о личном вкладе автора в науку. Наиболее значимы из них следующие:

1. Понятие «регионализм» со временем заметно трансформировалось: территориальный критерий в контексте регионального сотрудничества потерял своё ключевое значение, и термин «регионализм» стал применяться ко всем соглашениям группы стран, имеющих общие интересы и/или цели, а также использующих для достижения этих целей (интересов) собственные правила ограниченного круга применения. Кроме того, регионализм перестал ассоциироваться исключительно с опытом Европейского союза, который уже не воспринимается как однозначно позитивный пример, в то время как «новый регионализм», следуя логике построения многополярного мира, исходит из множества модальностей регионального сотрудничества, сохраняя при этом главные характеристики регионализма — ограниченный круг участников и наличие собственных норм, регулирующих отношения между этими участниками.

2. На фоне объективных ограничений, с которыми сталкиваются попытки объяснить специфику права региональных интеграционных объединений через призму их автономности, несомненный научный потенциал приобретает концепция нормативного регионализма, которая может быть использована для объяснения разнообразия и особенностей правопорядков международных организаций региональной экономической интеграции. Этот потенциал особенно очевиден при анализе правопорядка

ЕАЭС, который не рассматривается как автономный по аналогии с правом ЕС, но при этом имеет сходные черты: собственные источники права, субъектный состав и механизмы ответственности.

Выделение нормативного регионализма в качестве особой формы регионализма не только предполагает в его позитивном значении наличие особых норм или принципов, которые были бы обязательны лишь для государств — членов регионального объединения, но и в негативном значении требование группы государств определённого географического района не применять к ним универсальные нормы или принципы. Нормативный регионализм основан в том числе и на собственных источниках регионального права, которые по составу и иерархии могут отличаться от перечня универсальных источников международного права, в число которых могут входить региональные договоры, региональные обычаи и региональные общие принципы права. Регионализм и региональные подходы к международному праву в современных геополитических условиях являются не угрозой, а возможностью для эволюции международного права.

3. Региональные правовые системы могут включать положения, соответствующие критериям императивных норм, установленным статьёй 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, но имеющие при этом другое название, защищающие ценности фундаментального характера для этой группы государств, которые принимаются к исполнению этими государствами как обязательные и не подлежат изменению даже соглашением сторон, что серьёзным образом влияет на незыблемость аксиомы об универсальности *jus cogens*. В современном международном праве возможно существование нескольких категорий норм, императивных по своему характеру и по последствиям, но с разными названиями. Таким образом, в рамках международной правовой системы могут существовать не только универсальные императивные нормы, но и такие императивные нормы, которые могут быть адаптированы к специфическим условиям и интересам определённых групп государств. В силу своей специфики региональные императивные нормы могут быть более гибкими и учитывать уникальные политические, экономические и культурные особенности стран определённого региона.

4. Статья 38 Статута Международного Суда ООН не исключает существования общих принципов права с ограниченной территориальной сферой применения, в связи с чем отсутствуют основания для исключения региональных общих принципов права из источников права региональных правопорядков, при этом региональные

общие принципы права могут возникать либо на основе региональных международных соглашений, либо в рамках региональных международных организаций, и методы их идентификации могут отличаться от методологии установления универсальных общих принципов права любой категории.

Региональные общие принципы права могут быть выявлены и разработаны на основе практики, связанной с конкретным региональным договором или региональной организацией, и могут быть процессуальными или материальными. Региональные общие принципы права в первую очередь должны способствовать интеграции внутри региональных правовых систем, заполняя институциональные или правовые пробелы, тем самым повышая согласованность и устойчивость внутри данных правовых систем. При этом региональные общие принципы права могут рассматриваться как *lex specialis*, исключающие или ограничивающие применение общих принципов права, имеющих универсальный характер.

В качественном аспекте общие принципы права региональных интеграционных объединений (таких как ЕС и ЕАЭС, где эти принципы формулируются соответствующими судами) по сравнению с общими принципами права в международном праве выполняют как частично совпадающие, так и совершенно отличные функции. Если к совпадающим функциям можно отнести применение этих принципов для целей толкования и устранения пробелов, равно как признание их самостоятельным источником международного права, то использование принципов права интеграционных объединений в качестве отдельного основания для судебного контроля правомерности нормативных актов институтов таких объединений и в качестве самостоятельного основания для ответственности государств — членов объединений применительно к общим принципам права в международном праве неизвестно.

Отличием общих принципов права региональных интеграционных объединений от общих принципов права универсального характера является их особый иерархический статус в региональных правовых порядках. Если Комиссия международного права ООН в своём проекте выводов говорит о том, что общие принципы права не находятся в иерархическом соотношении с международными договорами и обычаями, то общие принципы права региональных интеграционных объединений рассматриваются как особая категория норм, которые находятся выше нормативных актов, принимаемых институтами таких объединений, и заключаемых такими объединениями международных договоров.

Общие принципы права в понимании Комиссии международного права ООН, с одной стороны, а также общие принципы права ЕС и права ЕАЭС, с другой стороны, сближает то, что определяющую роль в выявлении этих принципов и их применении играют международные суды, которые благодаря этой категории правовых норм получают значительные полномочия по заполнению пробелов в праве, что зачастую может находиться на грани судебного нормотворчества и потому встретить негативную реакцию государств.

В том, что касается доктрины общих принципов права ЕАЭС, разрабатываемой Судом ЕАЭС, то эти принципы можно отнести к категории общих принципов права, имеющих региональное применение по смыслу проекта вывода 12, предложенного Комиссией международного права. При этом, как показывает практика этого Суда, у общих принципов права ЕАЭС на данный момент ограниченный функционал, они используются для толкования норм ЕАЭС и как самостоятельное основание для судебного контроля актов институтов ЕАЭС. Суд ЕАЭС пока воздерживается от применения доктрины общих принципов права ЕАЭС в качестве инструмента для заполнения пробелов, вероятно, желая избежать обвинений со стороны государств — членов ЕАЭС в судебном нормотворчестве. Возможно, эта ситуация изменится в будущем. Кроме того, Суду ЕАЭС также предстоит решить вопрос о месте принципов права в иерархии норм права Союза, а также о способах разрешения коллизий в случае противоречия между универсальными общими принципами права (например, в трактовке Международного Суда ООН), и общими принципами права Союза (в толковании Суда ЕАЭС), или в случае, если имеются различия в понимании их содержания.

5. Применительно к региональным интеграционным объединениям нормативный регионализм проявляется также в появлении локальной правосубъектности частных лиц в правовых порядках этих объединений. Локальная правосубъектность возникает в силу того, что принимаемые институтами этого объединения нормативные акты общего применения, которые непосредственно действуют в национальных правовых порядках государств-членов, заменяя национальные правовые акты в соответствующей области. Такие акты будут применяться всеми субъектами внутреннего права государств — членов такого объединения, в том числе и частными лицами как в их отношениях с государством (по вертикали), так между собой (по горизонтали), а также национальными судами как применимое право при разрешении споров, в том числе между частными лицами.

Общее международное право не содержит запрета как на общую правосубъектность частных лиц, так и её региональные (локальные) проявления. Традиционный для международной правосубъектности критерий участия в создании норм международного права в данном случае, во-первых, не является определяющим, во-вторых, этот критерий находит своё выражение в различных институциональных механизмах, создаваемых в рамках таких объединений, к которым можно отнести создание представительных органов на уровне объединения, механизмы для побуждения органов объединения принять определённый правовой акт, соучастие национальных парламентов, представляющих интересы частных лиц государств — участников таких объединений в процессе создания соответствующих правовых норм, а также соучастие граждан в принятии таких норм путём выражения своего согласия на референдуме.

Частные лица (как физические, так и юридические) в настоящее время имеют права и обязанности в ряде отраслей современного международного права, и их отраслевая правосубъектность либо уже признана, либо активно обсуждается среди специалистов этих отраслей, причём объём правосубъектности частных лиц варьируется в зависимости от отрасли международного права и в целом имеет тенденцию к расширению — как в отношении её содержания, так и в процессуальном отношении. Это даёт основания утверждать, что более правильным подходом было бы смещение фокуса дискуссии с правосубъектности индивида (то есть физических лиц) на более общую проблему правосубъектности частных лиц в международном праве.

6. Право международной ответственности не может рассматриваться исключительно с точки зрения содержания разработанных Комиссией международного права ООН Статей об ответственности государств или международных организаций либо авторитетных комментариев к ним. Применение норм о международной ответственности на практике зависит в том числе и от особенностей правовых систем, где реализуется ответственность государств и других субъектов. Правопорядки интеграционных объединений, таких как ЕС и ЕАЭС, подразумевают наличие собственных средств защиты нарушенных прав, которые в корне отличаются от традиционного международного права, что либо исключает применение к институту ответственности в таких правовых системах норм общего международного права, включая положения Статей об ответственности, либо означает, что эти положения применяются только в той степени, в какой они не противоречат нормам регионального права, или в случаях, которые им не урегулированы.

7. Практика консультативных заключений органов международного правосудия, включая Суд ЕАЭС, ставит под сомнение представление о консультативной юрисдикции как дополнительной по отношению к юрисдикции по рассмотрению споров. Консультативная юрисдикция имеет огромный потенциал, однако эффективное использование этой юрисдикции зависит как от условий её реализации, изложенных в документах конкретного международного суда, так и от желания и умения всех заинтересованных сторон (в случае Суда ЕАЭС таковыми являются ЕЭК и государства — члены Союза) её использовать. При этом установление консультативной юрисдикции в учредительных документах того или иного суда само по себе не гарантирует её широкое использование данным судом.

В том, что касается правового эффекта консультативных заключений, не имеющих, по общему правилу, обязательной юридической силы, можно говорить об убедительности таких заключений и об их принятии государствами, входящими в тот или иной международный правопорядок, причём эта убедительность (правовой эффект, правовое значение) заключений не является постоянной величиной для всех международных судов, обладающих соответствующей компетенцией. Она варьируется от суда к суду в зависимости от их авторитета и репутации, от того, оказывает ли суд влияние на всё международное право, как Международный Суд ООН, или имеет влияние лишь в рамках секторальных или региональных интеграционных правопорядков, как Суд ЕАЭС. Такие консультативные заключения может ждать как полное забвение и игнорирование, так и их повсеместное признание государствами и доктринами как кардинально изменивших ту или иную отрасль международного права или тот или иной правопорядок.

В случае Суда ЕАЭС особое значение имеют консультативные заключения, в которых Суд посредством своих правовых позиций формулирует доктрины права Союза, такие как приоритет права Союза и непосредственное действие (прямой эффект) норм права ЕАЭС, выполняя тем самым свою основную миссию по выстраиванию целостного, устойчивого и эффективного правопорядка ЕАЭС. Несмотря на то что консультативные заключения Суда ЕАЭС не имеют обязательной силы, им постепенно начинает придаваться всё больший вес и авторитет, особая интерпретационная значимость (*res interpretata*), и, в отличие от решений по спорам, которые обязательны только для сторон спора, правовые позиции, положенные в основу консультативных заключений, с самого начала обладают характером *erga omnes*. Кроме того, консультативные заключения Суда ЕАЭС позволяют решить целый ряд инструмен-

тальных задач и в целом компенсировать ограничение государствами-членами юрисдикции Суда.

Консультативные заключения Суда ЕАЭС, содержащие концептуализацию общих вопросов, представляют собой нечто большее, чем толкование норм права в рамках конкретной ситуации, описываемой в запросе, поскольку такие заключения часто выходят за рамки чистого толкования норм права, а правовые позиции, положенные в их основу, отражают более широкие правовые аспекты: во-первых, они служат основой для будущих правовых позиций, влияя на развитие права ЕАЭС в целом, и, во-вторых, содержат интерпретацию основ права Союза и помогают установить и распространить стандарты поведения на участников правоотношений.

На заседании 04.06.2026 г. диссертационный совет принял решение присудить Кадышевой Ольге Владимировне ученую степень доктора юридических наук.

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 12 человек, из них 7 докторов наук по специальности 5.1.5. Международно-правовые науки, участвовавших в заседании, из 16 человек, входящих в состав совета, проголосовали:

за – 10, против – 2, недействительных бюллетеней – 0.

Председатель
диссертационного совета

В.А.Томсинов

И.о. ученого секретаря
диссертационного совета

П.Л. Полянский

04 июня 2026 года